

МЕЖДУ СКРИПКОЙ И АВТОМОБИЛЕМ

Татьяна Гринденко ненавидит коммунизм, но при нем ей жилось гораздо лучше

Независимая газета. — 1998 — 12 сент. — с. 10

Сергей Шаповал

ТАТЬЯНА, ваш ансамбль «Академия старинной музыки» в советское время, с одной стороны, существовал официально, с другой — за ним была слава чуть ли не запрещаемого...

— Этот ансамбль существует уже более 15 лет, возник он почти как авангардный коллектив, потому что занятия таким видом музыки были практически приравнены к авангарду. У меня был период, когда я играла в рок-группе, так вот, сложности с роком почти ничто в сравнении со сложностями, возникшими у меня в связи со старой музыкой. Я объясню, в чем дело. Нас учат старой музыке, как неправильно английскому языку: вы знаете латинский алфавит и просто читаете, не зная правил. Точно так же у нас играли старую музыку (на Западе аутентичное направление возникло уже лет 30 назад, попервоначально тоже встречая неприятие). А правило простое: читается, не как пишется. Правила чтения и есть самое большое препятствие, многие разумные музыканты говорят: «Неужели композитору было трудно написать, как нужно играть?» И потом, старая музыка включает момент импровизации, а школ импровизации, кроме как в джазе, сейчас не существует. Раньше исполнителя без импровизации не могло быть, чаще всего композитор и исполнитель были в одном лице. В XIX веке эта культура была полностью утрачена и стала восстанавливаться только в наше время. Мне пришлось иметь массу столкновений с консерваториями. Как-то мы с Алексеем Любимовым играли концерт в Омске, в антракте к нам вбегают ученые люди из консерватории с криками: «Кто вам разрешил так играть?!» Так что сложности были большие.

— Сейчас вы больше выступаете в Европе, чем в Москве...

— К сожалению, да. Вся проблема упирается в средства. В России существуют музыканты, которые нашли спонсоров, но лично я и мой ансамбль чудом выживаем без них. Практически все наши концерты в стране играют на бесплатно, а выживаем мы только за счет зарубежных гастролей. Но гастролировать становится все сложнее. Сейчас Запад просто встал на дыбы против восточноевропейских музыкантов. Я знаю, что, например, в Германии, Австрии готовы поступиться музыкальным уровнем, лишь бы не было музыкантов с Востока.

— А почему?

— У нас, за железным занавесом, феноменально развились профессиональные музыкальные школы. Наш профессионал в музыкальном отношении, может быть, и туповат, но его профессиональные качества значительно выше, чем у западного. А если еще учесть массовый отток музыкантов отсюда, то стано-

вится ясно — западному коллеге очень тяжело найти работу. Я уж не говорю о том, что у вышедших из Советского Союза приспособляемость и выживаемость такая, что западный человек перед ней просто пасует. На Западе уже возникла примета: если хоть один человек из Советского Союза пришел в оркестр, это значит, что через полгода их там будет пять. Нас просто боятся.

— Я с удивлением узнал, что вы почти профессионально занимаетесь автогонками. Зачем вам это?

— Меня давно интересуют школы воспитания. В России с этим труднее, проще привести пример из восточного опыта. Скажем, есть школа Алой розы: ученики сидят и наблюдают, как расцветает роза, но с каждым из них происходит нечто более важное — человек после этого, например, может сойтись врукопашную с десятью противниками... Для меня в самом понятии «скорость» есть что-то важное, и дело не в том, чтобы быстро мчаться. Для меня ни скорость, ни автомобиль не являются самоцелью, для меня важна попытка управления силами, которые в данный момент загнаны в мотор автомобиля. Умение ими управлять обязательно скажется в других видах деятельности, да и вообще позволит сделать шаг на пути под названием «стать человеком». Никто не знает, на что в той или иной ситуации он способен... Никогда в жизни я бы не подумала, что смогу заниматься с хором, и вдруг я с вокалистами достигаю какого-то (многие считают — неплохого) результата. Я знаю, это вовсе не потому, что я получила музыкальное образование, и не потому, что я гений, просто общение с машинами, с силами, заключенными в них, дает мне нечто расширяющее мои жизненные возможности.

— Как вы относитесь к феминизму?

— Я принципиально против этого течения. Женщина, на мой взгляд, должна быть прежде всего женой, но такой, как та княгиня из знаменитого рекламного ролика банка «Империал», которая из осажденного города выносит на себе своего мужа. Женщина должна быть и гораздо более женственной, и одновременно гораздо более мужественной. А вот господствующая сегодня бесполость просто чудовишна. Я за четкое разделение мужчин и женщин... Здесь я хочу обратиться к русским былинам. Мало кто знает, что существовали женщины, которых называли паяницами — это женщины-богатыри. И одна из таких женщин была женой известного богатыря Дуная. Она была настолько ему предана, что дала себя убить, чтобы Дунай смог доказать свою мужскую силу... Никто из этих

женщин-богатыри не отказывался от женской доли, они не строили из себя амазонок, все были замужние, правда, искали избранника по себе.

— Случались ли с вами автомобильные эксцессы?

— У меня не так давно была большая авария, все закончилось хорошо, я отделалась сломанными ребрами. Но в связи с этим у меня возникла мысль: я осталась жива Божьей милостью. Ведь машины, на которой я разбилась, практически не стало. Она пролетела по воздуху десять метров вниз крышей, ударилась, а потом еще раз перевернулась. Все было как в кино. Я, к счастью, вылетела с переднего сиденья на заднее, но сначала мне показалось, что я сломала позвоночник. И вот то, что я его не сломала, — это чудо. Я никогда так не молилась, как в тот момент, когда вылезла из машины.

— А ваше увлечение автомобилями не входит в противоречие с вашей женской сущностью? Обычно все ревущие и мчащиеся достижения цивилизации ассоциируются с мужщиной...

— Если просто бессмысленно нажимать на педаль газа, то это будет просто тупой спорт, а если относиться к этому как к искусству, то нужнее, может быть, как раз нежность... Что касается мужественного вида спорта... Могу сказать: игра на скрипке на сцене требует гораздо большего мужества, чем автогонки.

Татьяна Гринденко.

Например: я начинаю работать с каким-нибудь известным симфоническим оркестром, который уже играл с самыми звездными солистами. Оркестранты (в основном мужчины) смотрят на тебя: «Ну-ка, что ты нам покажешь? Мы все играем, как ты, а то и лучше, просто нам не повезло!» Действительно, среди оркестрантов (особенно американских) немало людей титулованных, но по жизненным обстоятельствам севших в оркестр. Представьте, что нужно в себе иметь, чтобы спокойно выйти перед ними и «сломать» их, потому что надо, чтобы они на тебя работали...

— Вы способны на серьезные преодоления. Это результат какой-либо «школы воспитания»?

— Скорее моего человеческого устройства. Как-то классе в девятом я вдруг с ужасом представила: я стану музыкантом и потом всю жизнь буду играть Брамса, Бетховена, Сибелюса и Баха. Ну, максимум 10–15 концертов, которые нужно будет играть всю жизнь! На меня тогда такой ужас накатил! Ведь это действительно нормально... Очень многие исполнители привыкают к такой доле, она даже делается как бы их жизнью, потому что это дает немалые деньги и славу. Я думаю,

моим спасением стало состояние ужаса перед такой персептивой.

Спасительным для меня было и то, что 10 лет я была под полным запретом: не было записей, не было ни выступлений на радио или телевидении, ни упоминаний в печати. Все эти десять лет я пела в храме. Это был мой заработок, музыка — в свободное время. Жизнь была построена следующим образом: пела раннюю службу, прибегала домой, где меня уже ждал ансамбль таких же энтузиастов аутентичной музыки, мы занимались, а затем опять — в храм.

— А почему вы не могли нормально работать?

— Я участвовала во всяких авангардных акциях, играла в рок-группе «Бумеранг», созданной на базе электронной студии в Музее Скрыбина, нашим, так сказать, идеологом был композитор Эдуард Артемьев. Это было главной причиной. А еще мы с Алексеем Любимовым съездили в Финляндию и сыграли несколько авангардных концертов. А уж после этого нас «закрыли», как стало ясно, на всю жизнь. И по тому времени было за что.

— От чего же вас спас запрет?

— Во-первых, от большой карьеры. Была и вторая важная вещь. Тогда я точно знала: мне никогда не будет выхода на Запад. Со знакомыми-эмигрантами мы прощались навсегда, это было что-то вроде похорон. Пришлось окапываться в этой жизни, все невозможности

были четко известны. Так вот, в мире оставшихся возможностей мы делали так много, как сейчас уже ни я, ни мои друзья не можем. Вот и получается, что тогда было райское время. Кстати, это касается и чисто материальных проблем: тогда я жила гораздо лучше и свободнее, хотя зарабатывала гораздо меньше. Я ненавижу коммунизм, но в той замкнутости была масса бесконечно свободных людей. Я была одной из них, я жила в своем мире...

Когда началась перестройка, открывшиеся возможности чуть не сбили меня с толку. Мне кажется, что меня к самой себе возвратили мои машины. Они меня «поставили в стойло». Я увидела мастерство других людей, до которого мне нужно было тянуться и тянуться. Раньше «ставил в стойло» режим... Сейчас я КАК БЫ свободна. Эта иллюзия свободы — самое страшное, что есть.

— Давайте представим, что вам нужно сделать жесткий выбор: вы никогда больше не сядете за руль, но будете продолжать играть на скрипке либо вы будете ездить на самых классных машинах, но никогда не возьмете в руки скрипку.

— Я выберу машины. Игра на скрипке — это тупик. Да, это удовольствие, это деньги, но это более простой путь. Меня это увлечет, заполнит всю, но это будет иллюзия деятельности, та самая, что наполняет жизнь многих музыкантов. Возможно, музыка заполнит меня полностью и через год я забуду, что такое машины, но это будет означать, что меня полностью поглотила иллюзия. А это самое страшное, что может быть, я бы никогда себе этого не пожелала... Я не хочу быть профессиональным музыкантом или профессиональным автогонщиком, я хотела бы стать профессиональным человеком.

— Что это значит?

— Это прежде всего возврат человека к природе, из которой он оказался вынутым в силу обстоятельств и так называемого прогресса.

— Ваш «возврат к природе» означает обязательный отъезд из города?

— Мне кажется, что жить в большом городе и ощущать себя частью природы невозможно. Здесь человек теряет точку опоры, он сам для себя бог. В результате возникает существо, которое, кроме себя, ничего не желает знать.

— Не собираетесь ли вы перебраться на природу?

— Внутри меня такой проект существует, но я замужем, у меня семья. И все же я надеюсь, что когда-нибудь это сделаю...

Из Досье «НГ»

Татьяна Гринденко родилась в Харькове. Окончила музыкальную школу в Ленинграде, затем Московскую консерваторию и аспирантуру при ней. Училась у Ю.И. Янкелевича. Лауреат международных конкурсов им. П.И. Чайковского и Г.Веняевского. Руководитель ансамбля «Академия старинной музыки», заслуженная артистка России.